

По побережью Черного континента.

(Изъ записной книжки натуралиста.)

Проф. С. В. Аверинцева.

Во время моего путешествія въ тропикахъ судьбѣ было угодно забросить меня между прочимъ въ экваторіальную Африку, съ побережьемъ которой отъ Танги до Мозамбика мнѣ и пришлось сначала познакомиться. Оттуда я проѣхалъ до Капштадта и дальше до Канарскихъ острововъ, прерывая свой путь въ различныхъ пунктахъ, какъ того требовали мои зоологическія работы,

Предлагаемые вниманію читателей очерки являются отдѣльными главами изъ моей записной книжки, нѣсколько обработанными для печати; я не имѣлъ возможности сразу привести въ порядокъ всѣ свои записки и потому въ настоящее время могутъ появиться въ свѣтъ лишь отрывки, посвященные главнымъ образомъ восточному побережью тропической Африки.

ГЛАВА I.

Танга. Заливъ Танги. Неожиданная встрѣча. Населеніе Танги. Кисуагели. Европейцы и нѣгры. Марембе. Одежда туземцевъ. Нгома. Школа въ Тангѣ. Островъ Уленга. Фауна побережья. Рыболовство. Поѣздка въ Амбони. Мангровы. Плантація Сисаль-агавъ.

Жаркій тропическій день клонился къ вечеру, когда „Kroprinz“—пароходъ Нѣмецкой восточно-африканской линіи подходилъ къ гавани Танги, одного изъ главныхъ портовыхъ городовъ Нѣмецкой Восточной Африки (5° 6 ю. ш. 39° 7' в. ш.). Я ѣхалъ съ юга изъ Дарессалама и Занзибара, видъ Танги съ моря былъ мнѣ уже знакомъ, первый восторгъ отъ упоительной, блестящей и роскошной природы тропиковъ у меня уже прошелъ, но все же мнѣ казалось, что пароходъ двигается слишкомъ медленно,—хо-

тѣлось поскорѣе на берегъ, впереди манила поѣздка въ горы Узамбары, въ дѣвственный, не тронутый человѣкомъ тропическій лѣсъ.

Наконецъ „Kroprinz“ миновалъ островъ съ ослѣпительно-бѣлымъ маякомъ и, обогнувъ мысъ Расъ-Казоне съ его сигнальной башней, на которой развивался флагъ, вошелъ въ заливъ Танги. Слева за мысомъ можно было различить отдѣльныя гигантскія купы баобабовъ, столь характерныя, благодаря ихъ мощности и раскидистости, а справа привѣтливо выглядывалъ изъ воды весь потонувшій въ зелени „островъ мертвыхъ“. Капитанъ хотѣлъ поближе подойти къ пристани и пароходъ медленно двигался вдоль берега островка, ища удобнаго мѣста для якорной стоянки. „Островъ мертвыхъ“ получилъ свое названіе отъ стараго, удивительно тихаго, навѣвающаго покой европейскаго кладбища. У самой воды онъ поросъ густой зарослью темно-зеленыхъ мангровъ, столь характерныхъ для всего восточно-африканскаго побережья, выше же, подальше отъ берега вздымаются на немъ свои шелестящія верхушки стройныя кокосовыя пальмы и между ними кое-гдѣ широко раскидываютъ во всѣ стороны свои вѣтви баобабы. Теперь на островѣ больше никого не гребаютъ, слишкомъ ужъ трудно было временами переправляться туда похороннымъ кортежамъ, а взамѣнъ того выстроено небольшое, обыкновенно пустующее зданіе карантинна.

Изъ густой зелени, опоясывающей весь заливъ со стороны материка, выглядываютъ мѣстами постройки города, а за ними въ далекой синеватой мглѣ вырисовываются вершины Сегома и Магротто—первые юго-восточные отроги Узамбары.

Приходь парохода своего рода праздник для всего европейскаго населенія порта и потому едва „Kronprinz“ вошелъ въ заливъ, вся его поверхность покрылась цѣлой флотиліей лодокъ съ черными гребцами въ бѣлыхъ и желтыхъ матросскихъ курткахъ и съ красными фесками на головахъ; европейцы въ традиціонныхъ бѣлыхъ костюмахъ и тропическихъ шлемахъ...

Нашъ пароходъ идетъ дальше въ Европу, онъ долженъ увезти тѣхъ, кому пришелъ срокъ ѣхать въ отпускъ, а также и тѣхъ, кто покидаетъ колонію на-долго, быть можетъ, навсегда.. Лица этихъ счастливицевъ озарены такой радостью, они такъ спѣшатъ попасть на пароходъ, такъ оживленно перекрикиваются съ пассажирами тѣснящимися у борта, что узнать ихъ можно съ перваго взгляда... Наконецъ, слышна послѣдняя команда, громкая цѣпью, падаетъ въ воду якорь, — „Kronprinz“ остановился какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ на берегу прячется въ зелени большой, весь окруженный верандами госпиталь... Осталось какихъ-нибудь полчаса до захода солнца, а слѣдовательно меньше часа до наступленія полной темноты; приходится торопиться нанять гребцовъ и носильщиковъ, чтобы завѣтло добраться въ гостиницу.

Переѣздъ къ берегу, къ таможенѣ продолжается всего лишь нѣсколько минутъ и обходится по „сумни“ съ каждаго пассажира и съ каждаго тюка багажа ¹⁾.. На пристани неожиданная встрѣча; суетится, укладывая багажъ въ лодку, машинистъ Бергъ, съ которымъ я ѣхалъ изъ Европы. Вѣдняя торопливо рассказываетъ мнѣ, что онъ заболѣлъ маляріей черезъ недѣлю послѣ того какъ поселился на плантаціи неподалеку отъ Танги, гдѣ на его обязанности было наблюдать за паровыми машинами; съ тѣхъ поръ все время провелъ въ госпиталѣ; всюду малярія и малярія; чуть ли не каждый день кто-нибудь умираетъ отъ „лихорадки

черной воды“. Бергъ въ ужасѣ отъ тропиковъ, проклинаетъ Африку и теперь безъ оглядки бѣжитъ домой въ Берлинъ къ семьѣ, чтобы никогда больше не возвращаться сюда.

— „Богъ съ нимъ, съ хорошимъ вознагражденіемъ, пускай даже хозяинъ угрожаетъ судебнымъ процессомъ за всѣ расходы, что были связаны съ моей поѣздкой, какъ -нибудь развяжусь!.. Своя жизнь дороже!“... Онъ и радуется и въ то же время съ ужа-

Рис. 1. Заливъ Танги. Видъ отъ города на бухту и „островъ мертвыхъ“.

сомъ оглядывается по сторонамъ. На меня Бергъ смотритъ съ сожалѣніемъ, точно мнѣ уже не суждено выбраться отсюда и искренно удивляется моему намѣренію ѣхать въ горы... Мы оба спѣшимъ—я въ гостиницу, Бергъ на пароходъ, и потому еще разъ крѣпко жмемъ другъ другу руки и расстаемся. Увидимся ли когда-нибудь?

Негры подхватываютъ мои вещи, взваливаютъ ихъ себѣ на головы и маленькій караванъ вытягивается въ одну линію. Я иду во главѣ, сзади мой слуга Бакари важно шествуетъ въ своемъ новомъ нарядѣ, въ костюмѣ цвѣта хаки съ блестящими мѣдными пуговицами, въ яркой фескѣ и даже въ бѣлыхъ башмакахъ, которые онъ откуда то досталъ ради парада. Они, видимо, невыносимо жмутъ ему ногу, но все же онъ доволенъ и съ важностью покрикиваетъ на носильщиковъ, самъ неся, какъ святыню, порученный ему мной микроскопъ. Съ таможней совсѣмъ не приходится имѣть дѣла, такъ какъ благодаря телеграммѣ статсъ-секретаря Линдеквиста и губернатора Рейхенберга здѣсь уже знаютъ о моемъ приѣздѣ.

¹⁾ Въ Нѣмецкой Восточной Африкѣ въ ходу нѣмецкая рупія = 100 геллерамъ. По принудительному курсу она стоитъ 1,33 нѣм. марки. — „Сумни“ — негское названіе 25 геллеровъ.

Вотъ мы за воротами таможни. Улица подымается въ гору, еще нѣсколько шаговъ и я въ гостинницѣ; это одинъ изъ лучшихъ и самыхъ высокихъ домовъ города—въ немъ три этажа. Ничего уже не видно вокругъ, солнце закатилось и разомъ надвинулась темная, темная тропическая ночь, хотя всего лишь половина седьмого, намъ, сѣверянамъ, такъ трудно привыкнуть къ подобной быстрой смѣнѣ дня ночью. Утромъ повторяется то же самое; день начинается разомъ вмѣстѣ съ восходомъ солнца.

Танга, что на языкѣ племени васуагели значитъ—парусъ, послѣ Дарессалама самая важная гавань Нѣмецкой восточной Африки, такъ какъ въблизи нея, въ горахъ Узамбары и у Килиманджаро расположена большая часть европейскихъ плантацій колоніи. Населеніе Танги, какъ и другихъ большихъ портовыхъ пунктовъ нѣмецкихъ владѣній, состоитъ изъ европейцевъ, арабовъ, индусовъ и негровъ.

Число первыхъ, главнымъ образомъ, конечно, нѣмцевъ, доходитъ до 300 слишкомъ; кромѣ настоящихъ европейцевъ, здѣсь различаютъ еще гоанезовъ, потомковъ португальцевъ, смѣшавшихся съ индусами; свое названіе они получили по имени португальской колоніи Гоа, на Малабарскомъ берегу Индостана. Гоанезы занимаютъ въ колоніи болѣе высокое, положеніе, чѣмъ все остальное цвѣтное населеніе, и ими замѣщаются обыкновенно мѣста мелкихъ чиновниковъ. Другіе выходцы изъ Индіи — „баніаны“ и „индусы“—торговцы и ремесленники, которыхъ въ Тангѣ около 500, представляютъ собой одинъ изъ наименѣ любимыхъ нѣмецкимъ правительствомъ элементовъ, потому что всѣ ихъ интересы связаны съ родиной; отсюда они получаютъ и туда направляютъ большинство товаровъ, туда же въ Индію уходятъ и всѣ нажитыя ими въ колоніи средства. Конкуренція съ индусами для отдѣльных мелкихъ предпринимателей-европейцевъ пока почти невысказима, такъ какъ съ кореннымъ туземнымъ населеніемъ страны ихъ связываетъ отчасти религія, а главнымъ образомъ — лучшее знаніе языка и нравовъ, а также и цвѣтъ кожи.

Среди негровъ мы встрѣчаемъ въ Тангѣ представителей почти всѣхъ племенъ, населяющихъ нѣмецкія восточно-африканскія владѣнія; больше всего—вадиги и вабондеи изъ окрестностей города, потомъ ваніамвези, а также сильно отличающихся по языку и виду отъ племенъ банту воинственныхъ масаи, — пастушескій народъ, пришедшій къ подножью Килиманджаро откуда то съ сѣ-

вера. Затѣмъ, довольно много встрѣчается васуагели, языкъ которыхъ является своего рода „lingua franca“ восточной экваторіальной Африки.

Васуагели или „вату ва мрима“, какъ сами они себя называютъ, — т.-е. люди побережья, являются наиболѣе образованнымъ по языку и обычаямъ, сильно арабизированнымъ, торговымъ племенемъ. Ихъ можно встрѣтить далеко внутри страны не только въ нѣмецкихъ и британскихъ владѣніяхъ—у озеръ Викторія-Ніанза и Танганика, но и въ предѣлахъ бельгійскаго Конго. Среди другихъ племенъ всегда попадаются отдѣльные лица, князья, старшины и бывалые люди, понимающіе „кисуагели“¹⁾. Такимъ образомъ, при путешествіи въ тропической Африкѣ почти всегда возможно обойтись знаніемъ одного этого языка, являющагося въ то же время языкомъ, равноправнымъ съ нѣмецкимъ при всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ правительственныхъ чиновниковъ съ туземнымъ населеніемъ.

Какъ только я очутился въ Дарессаламѣ и увидалъ, что мнѣ предстоитъ работать въ Африкѣ, я сейчасъ же принялся за изученіе кисуагели. При первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ этотъ языкъ показался мнѣ необычайно труднымъ; меня смущали и полное отсутствіе знакомыхъ корней, и совсѣмъ особая грамматика. Въ языкѣ васуагели измѣняются не окончанія, а начальные слоги словъ; далѣе, непривычна для европейца и форма спряженій, гдѣ играетъ роль при измѣненіи глагола не только подлежащее, но и дополнение.

Однако, когда я преодолѣлъ первыя трудности, оказалось, что, если не заботиться о полной правильности выраженій, можно довольно легко и быстро объясняться и понимать кисуагели.

Тутъ всѣ—и плантаторы и чиновники—говорятъ, правда не всегда вѣрно грамматически, на языкѣ васуагели, такъ какъ иначе почти невозможно попасть на правительственную службу въ колоніи. Нѣмцы не только не стремятся научить негровъ своему языку, но даже, наоборотъ, принимаютъ мѣры противъ этого. По моему мнѣнію названное обстоятельство служить и всегда будетъ служить значительнымъ тормазомъ, препятствующимъ умственному развитію туземцевъ и приобщенію ихъ культурѣ. Однако, къ этому большинство господствующихъ

¹⁾ На языкѣ суагели „мусагели“—это одинъ членъ племени; „васуагели“—множественное число, — это названіе племени; „кисуагели“ — названіе ихъ языка, т.-е. то же, что—„по-суагели“.

элементовъ вовсе и не стремится. Какъ показываютъ всѣ мои наблюденія надъ жизнью колоній, въ неграхъ видятъ лишь дешевыя рабочія руки, и едва ли считаютъ ихъ заслуживающими лучшаго обращенія, чѣмъ рабочій скотъ.

Я никогда не могъ спокойно видѣть необычайно презрительнаго отношенія къ „чернымъ“, которое проявляется у „бѣлыхъ“ рѣшительно во всемъ. Кулачная расправа, наказаніе плетью, заковываніе въ цѣпи, полное нежеланіе видѣть въ негрѣ такого же чело вѣка, какъ европейецъ, напомнили мнѣ худшія страницы изъ исторіи нашего крѣпостного права. Трудно себѣ намъ русскимъ представить до чего обычно доходитъ ничѣмъ не оправдываемое презрѣніе бѣлыхъ къ чернымъ. Хорошихъ результатовъ подобныя отношенія, конечно, не даютъ и много осложненій въ рабочемъ вопросѣ въ колоніяхъ объясняется именно презрительнымъ и жестокимъ обращеніемъ плантаторовъ съ рабочими-туземцами.

Негры смотрятъ обыкновенно на европейцевъ какъ на существа высшія, и послѣдніе, пользуясь этимъ, могли бы не только установить правильныя отношенія, но и сильно поднять культурный уровень туземнаго населенія, не вызывая въ немъ ни затаенной ненависти, ни рабскаго страха...

Самая лучшая въ гостиницѣ комната съ каменной верандой, выходившей на улицу, и съ кроватью, отовсюду затянутой для защиты отъ комаровъ кисеей, произвела на меня своей запущенностью гнетущее впечатлѣніе. Къ этому присоединились также и мухи, доставляемая москитами, густымъ роємъ наполнившими комнату одновременно съ наступленіемъ темноты. Я кое-какъ наскоро окончилъ свои записки и спустился въ первый этажъ, въ громадную, ярко освѣщенную залу, гдѣ засталъ большое общество, оживленно бесѣдовавшее за разставленными столиками и поглощавшее пиво и виски съ содой. Здѣсь же я нашелъ проф. Циммермана, директора біологическаго института въ Аmani, въ горахъ Узамбары, куда я направлялся... Онъ порассказалъ мнѣ о жизни въ Тангѣ и предложилъ послушать игру оркестра изъ учениковъ-негровъ. Черезъ нѣсколько минутъ рикши привезли насъ на площадь и мы уѣли подъ громадной равеналіей, казавшейся какимъ-то гигантскимъ, сказочнымъ опахаломъ въ темнотѣ тропической ночи. Большой оркестръ игралъ великолѣпно и трудно было повѣрить, что находишься гдѣ-то въ Африкѣ на площади небольшого городка, потонувшего въ паль-

махъ, подъ небомъ съ иными, незнакомыми южными звѣздами. Только тропическіе шлемы, бѣлые костюмы и почти полное отсутствіе дамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сестеръ милосердія съ ихъ красными крестами, возвращали къ дѣйствительности...

Часовъ въ десять я былъ уже въ постели и сквозь сонъ слышалъ тонкій комариный пискъ и пѣсню какихъ-то запоздавшихъ гулякъ, проходившихъ по улицѣ...

На другой день рано утромъ я покинулъ Тангу, но, такъ какъ позднѣе провелъ здѣсь нѣсколько дней, мнѣ удалось познаться какъ съ ней, такъ и съ ея окрестностями.

Танга—сравнительно небольшой, но оживленный городъ; нѣсколько длинныхъ улицъ его, идущихъ параллельно берегу, имѣютъ почти европейскій характеръ, а магазины пожалуй даже лучше и больше, чѣмъ въ Дарессаламѣ, столицѣ колоніи. Отелей нѣсколько, но запущенный, грязноватый видъ и тучи комаровъ дѣлаютъ пребываніе въ нихъ не особенно привлекательнымъ. Цѣны высоки; комнаты отдаются съ полнымъ пансіономъ и стоятъ отъ 7 до 8 рупій въ день; съ пріѣзжихъ не-нѣмцевъ берутъ почему-то всегда на 1—2 рупіи дороже.

Въ видахъ оздоровленія города въ Тангѣ туземный поселокъ постепенно отдѣляется отъ европейскаго квартала. Дѣло въ томъ, что здѣсь свирѣпствуетъ малярія и туземное населеніе чуть ли не сплошь заражено малярійнымъ паразитомъ, что особенно сильно сказывается у дѣтей; такимъ образомъ, туземцы постоянно заражаютъ комаровъ, переносчиковъ заразы. Считаютъ, что комары не улетаютъ далеко отъ тѣхъ болотъ и водоемовъ, гдѣ они развились, и потому, удаляя негровъ изъ города, думаютъ уменьшить въ послѣднемъ число комаровъ, зараженныхъ маляріей. Пока, однако, эта мѣра не даетъ видимыхъ, осязательныхъ результатовъ.

Негровъ выселяютъ въ предмѣстье города—Марембве. Въ этомъ мѣстѣ среди кокосовыхъ пальмъ и манго расположены незатѣйливыя хижины васуагели и вабондеи, представляющія собой небольшія, лишенныя оконъ постройки изъ жердей, прутьевъ, пальмовыхъ цыновокъ и глины, съ крышами изъ пальмовыхъ листьевъ, очень напомнившими мнѣ наши деревенскія—соломенные. Передъ входомъ, обычно, подобіе веранды—„бараса“, гдѣ почти всегда можно видѣть женщинъ и дѣтей, занятыхъ какой-нибудь домашней работой.

Всюду попадаются негры различныхъ ти-

повъ; особенно красивы и симпатичны дѣти съ ихъ быстрыми, живыми черными глазами. Стариковъ и старухъ не видно совсѣмъ; я лишь разъ встрѣтилъ негра съ простѣю; объясняется это страшной смертностью: мнѣ передавали, что почти нѣтъ туземцевъ старше 40—45 лѣтъ. Малярія, дизентерія и употребление съ дѣтства алкоголя, главнымъ образомъ въ видѣ домашняго пива—вотъ главнѣйшія причины вымиранія.

Интересна одежда васуагели и другихъ негровъ—простая, но не лишенная красоты. Костюмъ женщинъ состоитъ изъ двухъ прямыхъ кусковъ матеріи, или совершенно черной, или—рѣже—бѣлой съ цвѣтнымъ необычайно крупнымъ рисункомъ; ткани эти—европейской фабрикаціи. Одинъ кусокъ матеріи обматывается кругомъ бедеръ такъ, что получается подобіе короткой, до колѣнъ юбки, другой же—обматывается необычайно искусно вокругъ туловища, закрывая грудь и спину; временами конецъ его натягивается на голову и плечи. Очень оригинальна прическа женщинъ, состоящая изъ массы мельчайшихъ косичекъ, идущихъ правильными рядами отъ лба къ затылку. Говорятъ, что такой головной уборъ стоитъ не только времени, но и значительныхъ для суагели денегъ—до рупій и больше, такъ какъ дѣлать его умѣютъ далеко не всѣ.

Уши женщинъ почти всегда страшно изуродованы; обыкновенно въ трехъ мѣстахъ по краямъ ушной раковины, какъ бы въ видѣ большихъ запонокъ, воткнуты особыя украшенія изъ цвѣтной бумаги. Нѣкоторыя носятъ еще золотыя и серебряныя украшенія въ видѣ звѣздочекъ, цвѣтовъ и т. п. въ крыльяхъ носа.

Мужчины носятъ или юбку изъ куска матеріи, или же очень длинную бѣлую рубаху, а въ парадныхъ случаяхъ еще особый бѣлый халатъ; на головѣ или маленькую, тоже бѣлую, тонко расшитую гладью шапочку или же красную феску.

Въ разныхъ мѣстахъ Марембве можно найти незатѣйливыя лавчонки—„дука“, гдѣ арабами продаются пищевые продукты негровъ: рисъ, маисъ, бобы, лукъ и груды сахарнаго тростника. Любимымъ блюдомъ считается сушеная рыба, особенно акула. Запахъ этихъ лакомствъ подъ тропическимъ солнцемъ показался мнѣ куда хуже запаха нашей мурманской или норвежской сушеной трески, и я сразу, безошибочно, еще ничего не видя, могъ опредѣлить присутствіе „дука“ гдѣ-нибудь въ тѣни манговаго дерева.

Интересно взглянуть на танцы негровъ, такъ наз. „нгома“. Они—большіе любители

попировать и повеселиться и танцуютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Большая „нгома“ бываетъ въ Марембве, а также и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ по субботамъ вечеромъ и привлекаетъ чуть ли не всѣхъ туземцевъ отъ мала до велика. Танцуютъ и при этомъ поютъ подъ звуки барабана, устраиваемаго изъ ствола особаго дуплистаго дерева, на которомъ натягивается кожа; постоянныя вскрикиванія и громкое хлопанье въ ладоши служатъ аккомпаниментомъ. Танцуютъ цѣлыми часами, до полнаго изнеможенія и чуть ли не до обмороковъ... Одно, что дѣлаетъ для европейца почти нестерпимымъ присутствіе при этихъ танцахъ—это сильный, чрезвычайно рѣзкій, непріятный запахъ пота и оглушающій звукъ барабана.

Въ Тангѣ мнѣ пришлось между прочимъ побывать въ школѣ для негровъ, помѣщающейся неподалеку отъ рыночной площади, наполненной по утрамъ говорливой пестрой толпой туземцевъ. Въ разныхъ мѣстахъ округа имѣется 23 школы для черныхъ съ учителями-неграми; всего въ нихъ около тысячи учениковъ. Наиболѣе способные изъ нихъ поступаютъ потомъ въ школу въ Тангѣ, гдѣ обучаются различнымъ ремесламъ и даже музыкѣ.

Не могу не отмѣтить одного очень характернаго для нѣмецкой восточной Африки явленія, объясняемаго, повидимому, сравнительной молодостью колоніи: здѣсь совершенно нѣтъ европейцевъ чернорабочихъ, нѣтъ „бѣлаго“ пролетаріата. Всякій европеецъ въ колоніи получаетъ значительное вознагражденіе и всегда является начальникомъ, господиномъ—„бана“—того или иного ранга, существомъ высшей расы; быть наравнѣ съ нимъ, заниматься одной съ нимъ работой туземцы какъ бы не имѣютъ права. Нужно также сказать, что прилагаются всѣ усилія къ тому, чтобы такое положеніе сохранилось и въ будущемъ; изъ туземцевъ стремятся создать необходимыхъ работниковъ во всѣхъ областяхъ труда, но никогда черный не выходитъ изъ подчиненности, никогда онъ не становится мастеромъ и всегда лишь остается слугою европейца; бѣднякъ же бѣлый или не допускается въ колонію, или же быстро выселяется оттуда.

Изъ Танги я предпринималъ нѣсколько поѣздокъ. Прежде всего для меня, какъ для зоолога, былъ очень интересенъ островокъ Уленге. Онъ, подобно другимъ островамъ восточно-африканскаго побережья, сложенъ изъ коралловыхъ известняковъ, причудливо размытыхъ волнами. Со стороны открытаго

океана, особенно во время прилива и в тихую погоду стоишь и не налюбуешься синей, синей гладью Индйского океана: отъѣдешь немного отъ берега и заглянешь въ прозрачную воду—видишь цѣлый лѣсъ причудливо вѣтвистыхъ коралловъ, между которыми прячутся серебристыя рыбки; мѣстами—точно сказочныя цвѣты—сидятъ на вѣтвяхъ пестро окрашенныя звѣзды и колючіе, щетинистыя ежи... Добыть изъ этихъ сокровищъ почти ничего не приходится; драга съ желѣзными ножами цѣпляется за известковый скелетъ коралловъ и нѣтъ силъ ее оторвать, еле-еле вытащишь на поверхность,—мѣшокъ изорванъ, всѣ труды пропали даромъ.

Зато обильную добычу можно собрать въ отливъ на другой сторонѣ островка, обращенной къ заливу: тутъ мелко и море далеко отходитъ отъ берега. На осушающемся днѣ остаются тысячи лужицъ и въ нихъ кишитъ пестрое населеніе: масса рачковъ и полосатыхъ рыбокъ мечется во всѣ стороны при вашемъ приближеніи, всюду ползаютъ небольшія брюхоногія мягкотѣлыя съ закрученной раковинкой, быстро перебѣгаютъ крабы и прячутся въ выбоинахъ. Мѣстами можно найти любопытныхъ двустворчатыхъ мягкотѣлыхъ, приросшихъ одной изъ своихъ створокъ къ известняку; благодаря послѣднему обстоятельству раковинка ихъ принимаетъ видъ довольно высокаго столбика, закрытаго сверху крышечкой такъ, что сразу при взглядѣ на нихъ вспоминаются ископаемые рудисты. Стоитъ только отбить кусокъ известняка, легко рассыпающегося на кусочки, какъ васъ поражаетъ громадное количество всевозможныхъ червей, маленькихъ фіолетовыхъ губочекъ и ракушекъ, гнѣздящихся тутъ. Большинство изъ нихъ, какъ оказывается, просверливаютъ, въ поискахъ за пищей, массу ходовъ въ известнякѣ, куда потомъ и забираются тучи всякой иной мелочи. Временами находишь въ лужицѣ то актиній, слегка покачивающихъ своими щупальцами и нѣсколько напоминающихъ хризантемъ, то громадныхъ морскихъ кубышекъ—голотурій, кишечникъ которыхъ сплошь набитъ коралловымъ пескомъ... Вообще пестрая смѣсь всевозможныхъ формъ и красокъ...

Небольшой проливъ отдѣляетъ о. Уленга отъ материка. Въ сильный отливъ его свободно можно пройти въ бродъ и добраться до негрской рыбацкѣй деревушки Чонголеани, гдѣ не трудно достать всякихъ рыбъ, а иногда также большихъ, шиповатыхъ крабовъ, каракатицъ и осьминоговъ.

Рыбное богатство водъ, омывающихъ восточные берега Африки, насколько я могу судить на основаніи своихъ наблюденій, очень велико. Населеніе прибрежныхъ деревушекъ проводить большую часть времени въ морѣ, и прямыя паруса лодокъ—однодревоекъ, съ двумя досками, прикрѣпленными на поперечинахъ вдоль бортовъ, виднѣются всюду и у берега, и далеко въ открытомъ океанѣ. Примитивныя орудія лова—крючки, верши, небольшіе неводки и цѣлый рядъ заборовъ и запрудъ на осушающихъ при отливѣ мѣстахъ—даютъ богатые уловы. Промышленнаго значенія рыбныя богатства Индйского океана пока не имѣютъ. Были попытки примѣнить здѣсь большіе сѣти и невода, подумывали о тралловомъ ловѣ, но все это оказалось непригоднымъ. Коралловые заросли на болѣе мелкихъ мѣстахъ и обрывисто начинающіяся неподалеку отъ берега большія глубины лишаютъ возможности употреблять тутъ подобныя орудія лова...

Кромѣ Уленге, другая поѣздка, которую слѣдуетъ предпринять для ознакомленія съ восточно-африканской фауной всякому натуралисту, попавшему въ Тангу,—это на лодкѣ въ Амбони.

Перерѣзавъ бухту Танги, попадаешь въ густыя мангровыя заросли въ дельтѣ р. Сиги, разбивающейся здѣсь на много рукавовъ. Необыченъ и своеобразенъ видъ этихъ деревьевъ, когда корни ихъ покрыты морской водой, а съ вѣтвей свѣшиваются длинныя, утолщенные на одномъ изъ концовъ, проросшіе плоды, при паденіи втыкающіеся довольно глубоко въ илъ.

Мангровы—благодаря ихъ крѣпкой, съ трудомъ поддающейся гніенію въ водѣ древесинѣ и содержащей много дубильныхъ веществъ корѣ—считаются въ колоніи очень цѣннымъ деревомъ.

Лодка вѣзжаетъ въ одинъ изъ рукавовъ рѣки и медленно подвигается вверхъ. Подобная поѣздка возможна лишь въ приливъ, иначе рискуешь попасть на мель и просидѣть нѣсколько часовъ, не будучи въ состояніи ни ѣхать дальше, ни выбраться на берегъ, благодаря жидкому, топкому илу между корнями мангровъ.

Гребцы затагиваютъ пѣсню со странными выкриками и повтореніями отдѣльных слоговъ. Мелодія ея дика и непривычна, но въ ней есть что-то свѣжее, интересное... Я такъ жалѣю, что не могъ записать ея мотива... Слова, насколько можно понять, относятся къ предпринятой поѣздкѣ и представляютъ свободную импровизацію запѣва-

лы... Солнце палитъ и жжетъ на водѣ, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ на сушѣ, но мнѣ хорошо и, кажется, что могъ бы плыть такъ безъ конца. Берега становятся скалистые и круче. По обѣимъ сторонамъ тянется довольно густой лѣсъ, временами замѣчаешь стада обезьянъ-мартышекъ, ловко перебирающихся съ дерева на дерево; отовсюду слышатся голоса птицъ,—здѣсь ихъ царство, какихъ-какихъ только видовъ не встрѣтишь тутъ... Изрѣдка вдали показываютъ мнѣ гребцы крокодила,—то спящаго на отмели, то выставляющаго изъ воды свою громадную, безобразную голову и осматривающаго мѣстность. Трудно отличить ихъ отъ упавшаго въ воду пня, и только присмотрѣвшись, дѣйствительно различаешь животное. Бояться крокодиловъ не приходится, на челноки они не нападаютъ,—нельзя только купаться въ рѣкѣ...

Наконецъ, черезъ 3—4 часа пути достигаемъ Амбони. Здѣсь находится громадная плантація агавъ *Westdeutsche Handels und Plantagensellschaft*. Изъ агавъ получается прекрасное волокно, обладающее большимъ спросомъ на рынкѣ и дающее предпринимателямъ хорошіе барыши. Далеко во всѣ стороны тянутся правильными рядами посадки агавъ. Мясистые листья ихъ обрѣзываются, раздавливаются особыми прессами и освобождаются отъ мякоти; полученные волокна послѣ промывки развѣшиваются на длинныхъ шестахъ для просушки и отбѣлки на солнцѣ. Когда этотъ процессъ законченъ, волокно очищается еще разъ чесальной машиной и пенька готова.

Въ настоящее время, однако, цѣны на волокно сисаль-агавъ (*Agave rigida* var. *sisalana*) нѣсколько упали, ранѣе же, тѣмъ, кто своевременно взялся за культуру этихъ вывезенныхъ изъ Америки растений, удавалось въ теченіе 7—8 лѣтъ покрывать всѣ затраты на покупку и оборудованіе плантацій. Теперь въ колоніи свыше 17 тыс. гектаровъ земли находится подъ агавами; всего, на основаніи новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, высажено 45 миллионовъ экземпляровъ саженцевъ, изъ которыхъ пока только 8 мил. даютъ листья, годные на волокно.

Неподалеку отъ фабрики, изъ известковой скалы бьетъ довольно сильная струя воды, содержащей сѣру,—это сѣрный ключъ Амбони, превосходящій крѣпостью знаменитые ключи Аахена. Здѣсь имѣются ванны и ими пользуются, повидимому, не безъ успѣха, какъ туземцы, такъ и европейцы изъ разныхъ мѣстъ колоніи...

ГЛАВА II.

Отъ Танги до Тенгени. Дорога до Сиги. Биологическій сельско-хозяйственный институтъ Амани. Климатъ Амани. Платации института. Работа въ лабораторіи. Тропическій лѣсъ. Моя болѣзнь. Кофейныя плантаціи. Отъѣздъ.

Рано утромъ на другой день послѣ приѣзда въ Тангу я долженъ былъ уѣхать вмѣстѣ съ проф. Циммерманомъ въ Амани. Встать пришлось, какъ и всегда въ тропикахъ, съ восходомъ солнца... Дождливое время уже миновало и потому можно было заранѣе предсказать, что день будетъ ясный и жаркій... Поѣздъ отходилъ въ 7 часовъ утра... Пока я завтракалъ, хозяинъ гостиницы, выйдя на веранду, остановилъ нѣсколькихъ проходившихъ мимо негровъ, и тотчасъ же организовался цѣлый караванъ, такъ какъ вещей у меня было не мало. Здѣсь всѣ тяжести доставляются людьми и я не разъ удивлялся, какъ мои тяжелые ящики транспортировались туземцами на головахъ. Не могу не отмѣтить еще одной особенности, бросившейся мнѣ въ глаза: негры не смѣли входить въ гостиницу тѣмъ входомъ, который предназначался для европейцевъ, и должны были входить откуда-то съ другой стороны дома...

Вокзалъ стоитъ на краю города, въ пальмовой рощицѣ... Это — небольшое строеніе, совсѣмъ не напоминающее наши вокзалы... Быстро взяты билеты, поѣздъ изъ двухъ вагоновъ уже готовъ къ отходу. Багажъ приходится грузить самимъ, такъ какъ, кромѣ начальника станціи и стрѣлочника, кругомъ нѣтъ ни души. Наши „бои“ отправляются въ багажный вагонъ, мы же располагаемся въ прекрасномъ вагонѣ перваго класса, доступномъ только для европейцевъ. Обстановка великолѣпная. Кожаные диваны, которые можно превращать въ постели, прекрасная вентиляція, приспособленія отъ палящаго солнца — вообще забываешь, что находишься въ экваторіальной Африкѣ.

Поѣздъ трогается и сразу же глазъ очаровываетъ тропическая растительность, къ которой никакъ не можешь привыкнуть. Между пальмами тамъ и сямъ разбросаны манговыя деревья съ ихъ яркой темно-зеленой листвою, собранной въ видѣ розетокъ и образующей удивительно-густую раскидистую, необычайно правильную, точно подстриженную кроны. Плодовъ еще не видно. Но мнѣ приходилось уже ихъ пробовать. Первое впечатлѣніе крайне непріятное,—такъ одуряюще пахнутъ плоды. Потомъ привыкаешь, и зеленовато-желтоватая сочная мякоть ихъ ка-

жется необычайно вкусной, но это только въ томъ случаѣ, если манго не вполне созрѣли, иначе они такъ приторны, что, помоему, нѣтъ силъ проглотить больше одного-двухъ кусковъ...

Наконецъ, предмѣстье Танги кончилось. Пошли поля. На нихъ сразу я узналъ — кукурузу, издавна, со временъ арабовъ, культивируемую въ Африкѣ, и маниокъ, знакомый мнѣ по Дарессаламу. Мѣстами встрѣчаются стройныя, ровныя деревца съ незначительнымъ числомъ лапчатыхъ листьевъ на вершинѣ; часть ихъ ствола увѣшана массой громадныхъ зеленыхъ плодовъ, это — папайя. Ея плоды напоминаютъ и по виду и по вкусу наши дыни, — такая же въ нихъ желтая мякоть, такія же сѣмена, даже запахъ почти тотъ же самый...

Чѣмъ дальше отъ города бѣжитъ поѣздъ, тѣмъ чаще попадаются плантаціи европейцевъ, главнымъ образомъ каучуковыхъ деревьевъ и сисаль-агавъ. Тамъ, гдѣ почва сырѣе или хуже, и поля негровъ, и плантаціи прекращаются, и ихъ мѣсто занимаетъ лѣсъ восточно-африканской равнины, такъ назыв. „пѣри“. Онъ совсѣмъ не напоминаетъ нашего лѣса. Деревьевъ въ немъ не много; между ними — или высокая, какъ кустарникъ, теперь уже сухая трава, или же болотца, заросшія громаднымъ тростникомъ и папирусомъ. Деревья стоятъ отдѣльными купами и сплошь увиты вьющимися растеніями. Мѣстами попадется какая-нибудь пальма съ ея характерными листьями, мѣстами мелькнетъ могучій контуръ адансоніи (баобаба), но всего обынѣе удивительныя кактусообразныя, безлиственныя канделябровыя деревья изъ семейства молочайниковыхъ. Ихъ мясистые, развѣтвленные стволы покрыты иглами и по большей части окружены какой-нибудь мелкой растительностью, надъ которой они и вздымаютъ свои раскидистыя, направленные всѣми вѣтвями и вѣточками прямо къ небу вершины.

Наконецъ, поѣздъ нашъ подходитъ къ большой станціи. На перронѣ необычная, пестрая, шумливая толпа. На циновкахъ и

въ гигантскихъ пальмовыхъ корзинахъ горы апельсиновъ и мандариновъ и груды сахарнаго тростника. За геллеръ можно купить апельсинъ, — баснословная дешевизна!.. Ман-

Рис. 2. Лѣсъ восточно-африканской равнины. Канделябровыя деревья.

дарины величиной больше кулака. Зову Бакари и накупаю фруктовъ; особенно хороши ананасы, — такихъ сладкихъ и ароматныхъ я еще никогда не ѣлъ. Апельсины и мандарины культивируются здѣсь издавна, они ввезены арабами, очень много сдѣлавшими въ свое время для подъема сельскохозяйственной жизни побережья. Я думалъ, что въ тропикахъ наши — европейскіе фрукты будутъ хуже, но оказалось, что даже въ Испаніи прямо съ дерева я никогда не ѣлъ такихъ удивительно сочныхъ и сладкихъ апельсиновъ и мандариновъ, какъ здѣсь. Особенно славятся въ Африкѣ занзибарскіе фрукты — и я могу сказать, что эта слава не напрасна.

Бакари покупаетъ себѣ длиннѣйшій стволъ сахарнаго тростника, слегка очищаетъ его ножомъ, жуетъ и высасываетъ сладкій сокъ... Въ этомъ весь его обѣдъ...

Можетъ быть, потомъ онъ съѣстъ еще горсть рису. Вообще негры — по большей части ѣдятъ не много, но зато временами пируютъ на славу и тогда съѣдается громадное количество всякой всячины. Хлѣба негры не пекутъ и ложекъ при ѣдѣ не употребляютъ. Обычно они захватываютъ пригоршню риса, долго мнутъ ее, превращая въ довольно плотный комъ, который и съѣдаютъ, закусывая лукомъ. Подъ конецъ обѣда, заѣдаютъ рисъ сушеной ры-

бой, десертомъ же служить бананы и сахарный тростникъ.

Черезъ четверть часа двигаемся дальше... Справа начинаютъ вырисовываться гребни горъ... Это—Узамбара. Эти горы тянутся съ юго-востока на сѣверо-западъ на разстояніи около 250 верстъ, начинаясь неподалеку, верстахъ въ 50—60 отъ берега океана. Онѣ круто, какъ бы внезапно, вздымаются на прибрежной равнинѣ и дѣлятся множествомъ рѣчныхъ ущелій и долинокъ на группы отлѣльныхъ возвышенностей. Три главныхъ поперечныхъ долины дѣлятъ ихъ, послѣдовательно съ востока на западъ, на восточную и западную Узамбару и Парэ. Сельскохозяйственный біологическій опытный институтъ Амани, куда я направляюсь, расположенъ какъ разъ въ горахъ наиболѣе близкой къ морю восточной Узамбары...

Вотъ, мы на небольшой станціи Тенгени, гдѣ предстоитъ пересадка. Желѣзнодорожный путь идетъ отсюда дальше до Макая, въ 219 кил. отъ Танги, и скоро уже будетъ готовъ до Моши, у подошвы Килиманджаро.

Проѣздъ по желѣзной дорогѣ не дешевъ:—за километръ пути приходится платить въ 1 кл.—6 геллеровъ, во 2-мъ—4 гелл. и въ

для индусовъ и гоанезовъ, третій—для негровъ. Перевозка багажа и грузовъ тоже очень дорога, и обычно говорятъ, что выгоднѣе убить осла въ Тангѣ и приобрести новаго въ Макая, чѣмъ перевозить его по желѣзной дорогѣ. Несмотря на это, движеніе довольно значительно и дорога перевозитъ въ годъ около 200 тыс. пассажировъ (европейцевъ всего 6 тыс.) и около 20 тыс. тоннъ груза; весь валовой доходъ достигаетъ 450 тыс. рублей. Эти цифры показываютъ, какъ быстро привыкло туземное населеніе къ европейскому способу передвиженія; не лишне еще отмѣтить, что заработокъ негра не превышаетъ въ день 20—30 гелл., едва хватающихъ ему на пропитаніе.

Изъ Тенгени начинается узкоколейная вѣтвь до Сиги, построенная специально для возки лѣса. Поѣздъ изъ двухъ вагоновъ уже ждетъ насъ и мы немедленно трогаемся дальше. Путь до Сиги построенъ какъ будто вопреки всѣмъ правиламъ желѣзнодорожной техники. Крутые повороты, необычайные подъемы и спуски попадаютъ на каждомъ шагу. Временами ѣдемъ по ломанной линіи; заѣзжаемъ въ тупикъ, паровозикъ нашъ маневрируетъ, прицѣпляется къ хвосту поѣзда и мы направляемся въ обратную сторону, но все выше и выше...

Чѣмъ дальше отъ Тенгени, тѣмъ мѣстность интереснѣе и красивѣе. Сначала идетъ сплошь обработанная, густо заселенная неграми мѣстность; сразу видно ея плодородіе. Буйная растительность полей поражаетъ своимъ ростомъ, величиной листьевъ и яркостью окраски.

По хорошему, желѣзному мосту переѣзжаемъ черезъ каменистую, бурлящую Сиги, всю утонувшую въ зелени и вдругъ разомъ попадаемъ въ самую гущу первобытнаго, нетронутого

Рис. 3. Станція Тенгени. На-лѣво поѣздъ изъ Танги, на-право зданіе вокзала и вѣтвь на Сиги.

3-мъ—1 $\frac{1}{3}$ геллера... Какъ я уже сказалъ, европейцы путешествуютъ всегда въ первомъ классѣ, второй классъ—простые товарные вагоны съ выломанными стѣнками—

лѣса. Онъ встаетъ вокругъ, полный чего-то необычайнаго, поражающаго... Впечатленіе ошеломляющее... Отдать отчета себѣ во всей его суровой прелести и величии,

во всѣхъ его характерныхъ чертахъ—сразу немислимо... Спѣшишь смотрѣть, наслаждаешься и недоумѣваешь... Все новыя и новыя картины вокругъ. Много надо времени, чтобы привыкнуть къ такому лѣсу, чтобы разобраться во всемъ,—и все это, несмотря на то, что много раньше читалъ о тропическихъ лѣсахъ, много разъ мечталъ о нихъ и рисовалъ себѣ ихъ въ своемъ воображеніи... Никогда вполнѣ не понять дѣвственнаго лѣса во всей его могучей роскоши по описаніямъ и разсказамъ... Черезъ два часа послѣ отправленія изъ Тенгени мы, наконецъ, достигаемъ Сиги, конечнаго пункта дороги. Это—лѣсопильный заводъ на рѣкѣ того же имени; на другомъ берегу ея уже начинаются владѣнія біологическаго института Амани.

Для изученія условій и способовъ культуры полезныхъ растений однимъ изъ губернаторовъ Нѣмецкой Восточной Африки былъ устроенъ въ Дарессаламѣ „опытный садъ“. Затѣмъ, вслѣдствіе невозможности получать здѣсь, благодаря крайнему однообразію климата и почвы, выводы, годные для различныхъ частей колоніи, рѣшено было найти болѣе удобный пунктъ для устройства опытной станціи.

Удовлетворявшее максимуму требованій мѣсто было найдено въ горахъ Узамбары и въ іюнѣ 1902 года былъ основанъ біологическій сельскохозяйственный институтъ Амани. Мѣсто для института выбрано очень удачно: въ долинѣ р. Сиги плантаціи его расположены на высотѣ 400 метровъ надъ уровнемъ моря, въ то время какъ принадлежащая ему и уже покрытая различными культурами вершина Бомоле достигаетъ 1118 метр. высоты. Между этими крайними точками имѣется цѣлый рядъ переходовъ.

Думаю, что читателямъ не безынтересно узнать нѣкоторыя подробности о климатѣ Амани. Климатъ Узамбары значительно отличается отъ климата сосѣднихъ равнинъ, несмотря, на казалось бы, незначительную разницу высотъ. Осадковъ выпадаетъ въ годъ до 2380 мм; дождливыхъ дней въ году бываетъ свыше 200—230. Бываютъ сутки, когда выпадаетъ около 160 мм дождя. Самыми дождливыми мѣсяцами являются апрѣль и май, хотя, конечно, нѣтъ ни одного мѣсяца, когда бы не выпадало осадковъ, тогда какъ по сосѣдству на равнинѣ цѣлыми мѣсяцами длится засуха. Сырость въ горахъ Узамбары такъ велика, что во время нашего сѣвернаго лѣта ихъ вершины сплошь и рядомъ покрыты туманами и облаками. За все время моего пребыванія въ

Амани рѣдкія сутки проходили безъ дождя. Утро и первая половина дня были обыкновенно ясны и солнечны, начиная же съ 2—3 час. дня начинали набѣгать облака, вершины Магротто, Бомоле и другихъ горъ покрывались прядями тумана, солнце пряталось за тучи и къ ночи собирался дождь. Наиболѣе жаркое время здѣсь, какъ и на побережьи, съ середины декабря до начала февраля; іюнь и іюль прохладны. Средняя годовая температура въ Амани приблизительно 20° С. Вечерами при мнѣ тамъ было такъ сыро и холодно, что приходилось одѣвать нашъ европейскій, а не тропическій костюмъ (термометръ падалъ до +10—12°С).

Древняя вывѣтрившаяся вулканическая почва, тепло и масса влаги—вотъ тѣ факторы, что обуславливаютъ необычайное развитіе и ростъ растительности.

Отъ Сиги до центрального пункта Амани, до его лабараторій—около двухъ часовъ труднаго, но крайне интереснаго пути, подымающагося все время зигзагами въ гору. Когда мы перешли по мостику черезъ бурлящую и пѣнящуюся Сиги на территорію института, меня сразу же поразило чудное благоуханіе японскихъ *Cananga odorata*, дающихъ масло илангъ-илангъ и превосходно принявшихся въ Африкѣ. По обѣимъ сторонамъ тропинки идутъ всевозможныя посадки. За восемь—девять лѣтъ, онѣ достигли такихъ размѣровъ, какихъ у насъ деревья не достигаютъ за пятнадцать—двадцать. Тутъ видишь участки, заросшіе *Hevea brasiliensis*, *Mauihot glaziovii*, *Castilleja elastica* и другими дающими каучукъ растеніями. Громадныя, сильно вѣтвистыя фикусы (*Ficus elastica*), доставляютъ пріятную тѣнь своей густой, блестящей листвою.

Проф. Циммерманъ то и дѣло показываетъ какія-нибудь рѣдкости: то аллею всевозможныхъ, невиданныхъ, одно другого диковиннѣе, тропическихъ фруктовыхъ деревьевъ, то посадки камфоры и гвоздики, то группы роскошныхъ пальмъ...

Однако моя еще не вполнѣ окрѣпшая, полтора мѣсяца тому назадъ сломанная нога даетъ себя знать... И вотъ мнѣ, несмотря на все нежеланіе, приходится усасться въ особое кресло, укрѣпленное на двухъ палкахъ; четверо рослыхъ негровъ подхватываютъ его на плечи и меня несутъ вверхъ... Негры затягиваютъ пѣсню-импровизацію о бѣломъ „бана“, ѣдущемъ изъ Танги... Слѣва, гдѣ-то внизу шумитъ и реветъ горный ручей. На дорогу свѣшиваются опахала музъ, отягченныхъ громадными кистями банановъ... Растительность кругомъ громад-

ная и такая разнообразная... Мнѣ говорятъ десятки названій... Кокаиновыя деревья (*Erythroxylon coca*), ипекакуана (*Psychotricha ipescacuana*), цѣлыя рощицы кофейныхъ и хинныхъ деревьевъ—все мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ... Мѣстами попадаешь подъ сводъ кустистыхъ, поражающихъ величиной бамбуковъ, мѣстами видишь великаны деревьевъ, остатки росшаго здѣсь лѣса... Наконецъ, показываются постройки института... Вотъ, какъ бы его предмѣстье, поселокъ негровъ-рабочихъ, а вотъ и „Fremdenhaus“, гдѣ мнѣ придется жить...

Я взбѣгаю на веранду, опоясывающую весь окутанный зеленью домъ, вхожу въ

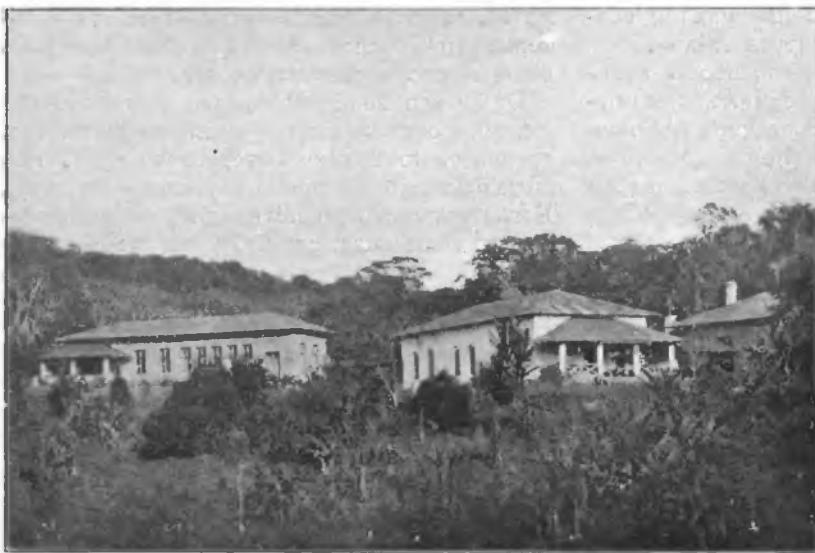

Рис. 4. Лабораторіи біологическаго сельско-хозяйственнаго института Амани. Слева—зданіе энтомологической лабораторіи и бібліотеки, посрединѣ — ботаническая, а справа часть химической лабораторіи. На заднемъ планѣ тропическій лѣсъ.

предназначенную мнѣ комнату и заглядываю въ распахнутое окно... Несмотря на массу пережитыхъ за дорогу впечатлѣній, развернувшаяся предо мною картина такъ чаруетъ меня, что въ головѣ мелькаетъ мысль, какъ хорошо было бы прожить здѣсь, у этого окна, всю, всю жизнь... Много пришлось мнѣ повидать... Любовался я и мрачными скалами Медвѣжьяго острова, и очаровательными фіордами Норвегіи, суровыми Альпами и бирюзовыми волнами Неаполитанскаго залива, но того величія, мощи и красоты, что пришлось увидать мнѣ изъ окна Fremdenhaus'a Амани, я еще не встрѣчалъ...

Широкая просѣка въ заросляхъ открывала видъ на стѣну тропическаго лѣса, уходящаго внизъ по скату горы, глубоко вни-

зу, въ зелени всякихъ оттѣнковъ искрились блестящія рѣки, по бокамъ подымались поросшія лѣсомъ и только на вершинахъ—суровыя, голыя и красочныя, устѣяныя глыбами гнейсовъ—горы... А въ щель между горами прорывался просторъ долины, которая гдѣ-то далеко-далеко, въ синей дымкѣ раскидывалась до самаго горизонта...

На другой день по приѣздѣ въ Амани я уже могъ начать свои работы. Дѣло поставлено на широкую ногу. Тутъ нѣсколько лабораторій — ботаническая, энтомологическая и химическая, превосходная бібліотека и цѣлый рядъ другихъ зданій. Кромѣ проф. Циммермана, въ институтѣ работаютъ два ботаника, энтомологъ, химикъ и цѣлый штатъ садовниковъ. Около 200 гектаровъ земли въ настоящее время занято всевозможными опытными посадками и однѣхъ дорожекъ въ нихъ проведено около 50 верстъ...

Проф. Циммерманъ объявилъ неграмъ, что приѣхавшій „бѣлый господинъ“ будетъ покупать разную живность, и мнѣ съ утра до вечера несли и старый и малый всякую всячину: кто хамелеона или змѣю, кто лягушку или пару жуковъ и кузнечиковъ. Я еле успѣвалъ расплачиваться, сортировать матеріалъ, консервировать, дѣлать препараты и пр.

Удивляли и богатство фауны, и роскошь формъ, но останавливаться, наслаждаться не было времени... Надо работать и работать...

Приходилось брать все, что несли,—нужное и ненужное, отлично сохранившееся и испорченное; при малѣйшемъ отказѣ развивалось недовольство, одинъ другому передавалъ, что бѣлый ничего больше не беретъ, и количество матеріала сразу уменьшалось.

Особенно меня занимали хамелеоны („киніонга“) съ ихъ медлительной походкой и какимъ-то, точно философскимъ, спокойствіемъ. Я иногда часами забавлялся съ ними и такъ жалѣлъ, что не могъ взять ихъ живыми съ собой въ Европу...

Одну изъ главнѣйшихъ прелестей пребы-

ванія и работы въ Амани представляють тянущійся на большое разстояніе и необычайно разнообразный по составу тропическій первобытный лѣсъ. Изъ окна лабораторіи, съ веранды Fremdenhaus'a, проще сказать, отовсюду, можно видѣть его стѣну.

Мнѣ кажется, что едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ земного шара такъ счастливо сочетались вмѣстѣ два условія столь привлекательныя для натуралиста—нетронутый дѣйствительно дѣвственный тропическій лѣсъ и хорошо оборудованная лабораторія.

Почва въ Амани, какъ и всюду въ Узамбарѣ, состоитъ изъ особой, то ярко-красной, то желтоватой глины, представляющей собой продуктъ вывѣтриванія гнейсовъ. Гумусъ въ этой почвѣ развивается плохо. Повидимому, масса падающей воды смываетъ продукты гніенія въ овраги и ущелья и деревья тропическаго лѣса раскидываютъ свои могучіе корни далеко въ стороны... Мнѣ не разъ приходилось, уставъ отъ работы, уходить въ лѣсъ... Три-четыре минуты ходьбы—и я въ его таинственной тиши. Всегда, когда приходилось мнѣ очутиться на дорожкѣ, съ трудомъ прорубленной въ лѣсу, меня охватывало то же торжественное настроеніе, что переживалось иногда мной въ величественныхъ готическихъ соборахъ Запада... Въ лѣсу поражаетъ прежде всего тишина. Звуковъ почти никакихъ не слышно; трескотня кузнечиковъ и крики дикаго голубя, нарушающіе молчаніе, и тѣ слышны лишь на опушкахъ и прогалинахъ. Въ борьбѣ за существованіе, въ борьбѣ за свѣтъ и воздухъ вся растительность стремится въ высъ. Деревья настолько высоки, что я, несмотря на свое отличное зрѣніе, обычно не могъ разсмотрѣть формы ихъ листьевъ.

Такіе гиганты, какъ *Pipadenia buchanaeni*, *Allablackia stuhlmanni*, *Uracia gigantea*, *Syzygium guinense* и др. образуютъ своими громадными вершинами какъ бы крышу тропическаго лѣса; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ 40 и даже 50 метровъ высоты. Необычайно толстые стволы этихъ великановъ и ихъ колоссальныя кроны особенно поражаютъ, когда стоишь на краю лѣса или любуешься имъ съ вершины обрыва, когда лѣсъ раскинулся у твоихъ ногъ и сплетающіяся верхушки деревьевъ образуютъ подобіе ярко-зеленаго луга.

Между этими великанами пріютилось болѣе мелкое населеніе—деревья въ 10—20 метровъ высотой, а еще ниже—у самой земли растутъ травы, напоминающія наши кустарники, дикіе бананы, папоротники, мхи.

Внизу—вѣчныя сумерки, тѣсная тройная

сѣть вѣтвей и листьевъ почти не пропускаетъ свѣта.

Всюду видны ліаны различной толщины, то едва достигающія діаметра пальца, то превышающія толщиной руку. Онѣ десятками и сотнями взбѣгаютъ вверхъ по стволамъ, свѣшиваются внизъ, перебрасываются съ одной вѣтви на другую и этимъ разнообразіемъ, этой необычностью постоянно поражаютъ и привлекаютъ, представляя одну изъ замѣчательныхъ частей картины тропическаго лѣса.

Мѣстами ліаны взбѣгаютъ вверхъ по высочайшимъ стволамъ ровно и прямо, безъ всякихъ изгибовъ, теряясь гдѣ-то далеко въ листьяхъ кроны; невольно спрашиваешь себя, какъ онѣ могли такъ вырасти и такъ высоко забраться; мѣстами же, напротивъ, онѣ такъ тѣсно оплетаютъ стволъ и другъ друга причудливыми перегибами, срастаясь съ давшимъ имъ опору деревомъ, что положительно отказываешься рѣшить, гдѣ одно и гдѣ другое растеніе.

Масса всевозможныхъ эпифитовъ, гнѣздящихся на деревьяхъ, представляютъ одинъ изъ типичныхъ элементовъ лѣсовъ жаркаго пояса. Особенно часто приходится видѣть въ разныхъ мѣстахъ ствола необычайно красивыя гигантскія корзинки или манжеты громадныхъ, чуть ли не въ метръ длиной, мечевидныхъ листьевъ папоротника *Asplenium*. Другіе папоротники и орхидеи тоже взбираются далеко вверхъ по стволамъ, ютятся всюду, гдѣ между стеблями скопляется хотя бы немного воды и перегноя.

Вдоль ручьевъ, а временами и въ глубинѣ скалистыхъ сырыхъ уступовъ встрѣчаются—всегда группами—изумительные по стройности и красотѣ древовидные папоротники. Ихъ нѣжныя, узорчато-раскидистыя кроны невольно переносятъ мысль въ давно минувшія эпохи и даютъ жизнь абстрактнымъ представленіямъ о геологическихъ періодахъ, сложившимся у насъ при чтеніи книгъ и изученіи ископаемыхъ остатковъ.

Цвѣты рѣдко попадались мнѣ въ лѣсу, но зато, если ихъ случалось находить, почти всегда поражали и величиной, и яркостью окраски. Чаще всего я видалъ нѣжныя узамбарскія фіалки и огненно-красныя бальзамины.

Подчасъ, какъ мнѣ передавали, на строеніи европейцевъ, живущихъ въ Амани, довольно тяжело отражается постоянное однообразіе всей окружающей природы, особенно тропическаго лѣса. Правда, не всѣ деревья его постоянно остаются зелеными и такія какъ *Chlorophora*, *Myrianthus* и *Anto-*

cleista — периодически сбрасывают свою листву, но въ общемъ картина лѣса остается вѣчно одной и той же. Зато какихъ только нѣтъ переходовъ въ ихъ окраскѣ, отъ свѣтлой, почти желтовато-зеленой до темной, почти черной листвы нѣкоторыхъ породъ. Такое же разнообразіе наблюдается и въ окраскѣ стволовъ. Число видовъ деревьевъ такъ велико (мнѣ насчитывали до семидесяти) и настолько они перемѣшаны, что съ трудомъ находишь два одинаковыхъ. Все здѣсь такъ удивительно, такъ необычайно.

Животныхъ въ лѣсу встрѣчается не много. Чаще всего можно видѣть обезьянъ-мартышекъ (*Cercopithecus albigularis*) и другихъ,

упавшей листвою, многоножекъ въ трухѣ разрушившихся стволовъ и въ гніющихъ обломкахъ, кузнечиковъ въ чащѣ кустовъ... Каждый старый пенъ давалъ богатую добычу-всякихъ личинокъ, муравьевъ, ухвертокъ, дождевыхъ червей, термитовъ—и рабочихъ, и солдатъ,—а временами даже лягушекъ и жабъ.

До поѣздки въ тропики я былъ преимущественно морфологомъ и только море привлекало меня всегда богатствомъ и разнообразіемъ своей фауны, на сушѣ же меня почти никогда не тянуло экскурсировать. Животный міръ жаркаго пояса поразилъ меня своимъ богатствомъ почти такъ же,

какъ и морская фауна, когда я впервые сталъ съ ней знакомиться. Въ дѣвственномъ лѣсу я экскурсировалъ и собиралъ съ такимъ увлеченіемъ, какого даже не предполагалъ въ себѣ, особенно принявъ во вниманіе отсутствіе силъ послѣ недавно перенесенной мною болѣзни.

Экскурсировать въ тропическомъ лѣсу не легко. Внизу постоянно—полумракъ, пробираться очень трудно, ліаны и кустистая трава заставляютъ пролагать себѣ дорогу съ помощью топора, подчасъ же заберешься въ такую гущу, что положительно нелегко

Рис. 5. Дѣвственный тропическій лѣсъ въ окрестностяхъ Амани. Слева и въ центрѣ видны громадные древовидные папоротники, справа — масса ліанъ.

такъ назыв. *Colobus palliatus*, — стадами по 10—15 экземпляровъ. Весело перепрыгиваютъ онѣ съ вѣтки на вѣтку и быстро скрываются въ листвѣ, завидѣвъ человека. На опушкахъ нерѣдко попадались мнѣ бѣлки, во всемъ напоминавшія нашихъ, да иногда ушастыя маки—*Galago* sp. — Птицъ не слышно, развѣ иногда раздастся крикъ дикаго голубя. Вечерами громко квакаютъ лягушки и трещатъ цикады...

На освѣщенныхъ солнцемъ прогалинахъ попадаютъ иногда крупныя, довольно ярко окрашенныя бабочки и много разныхъ жуковъ, кузнечиковъ и стрекозъ. Въ самомъ лѣсу безпозвоночныхъ животныхъ не легко разыскать. Первое время я почти ничего не видалъ. Только потомъ, присмотрѣвшись побольше, я сталъ находить жуковъ между

сдѣлать ни шага впередъ, и приходится довольствоваться прогалинами и прорубленными дорожками... Многого почти не найти; напримѣръ, змѣй въ Амани всюду множество, я же встрѣчалъ ихъ очень рѣдко, вѣрнѣе, рѣдко видѣлъ; негры приносили мнѣ ихъ очень часто и довольно большихъ. Ловятъ они змѣй очень ловко, прижимая виллообразно расщепленной палкой къ землѣ; приносятъ же въ рукахъ, ухвативъ указательнымъ и большимъ пальцемъ за заднюю часть головы и позволяя змѣѣ обвить руку. Особенно ловко приносилъ мнѣ всякихъ ядовитыхъ змѣй одинъ ловкій рослый негръ, такъ называемый „фунди“, т. е. нѣчто въ родѣ заклинателя. Я попробовалъ его спрашивать, какъ онъ ихъ ловитъ и не боится ли укуса змѣй, но въ отвѣтъ

услыхалъ лишь — „амри я мунгу“, т.-е. „воля Божья“—и больше ничего...

Дѣвственный лѣсъ раньше безжалостно выжигался неграми, теперь же энергично истребляется европейцами... Последнее объясняется высокими цѣнами, особенно на нѣкоторыя породы деревьевъ. На лѣсопильномъ заводѣ въ Сиги за кубич. метръ обрѣзныхъ досокъ и брусковъ приходится платить 80—100 и больше рупій.

Перемѣна климата и быстрый переходъ отъ побережья въ горы не прошли для меня даромъ. Не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни, я скоро долженъ былъ слечь снова... Потянулись томительные, тяжелые дни... Моя комната стала вдругъ мрачной, видъ изъ окна уже потускнѣлъ и не радовалъ, какъ раньше... тяжело было чувствовать полное одиночество. Бакари недоумѣвающе смотрѣли на меня, когда я отказывался отъ пищи, но молчалъ—и, казалось наблюдалъ, что же изъ всего этого выйдетъ. Моментами мнѣ становилось лучше, я пытался работать, но силы падали съ каждымъ днемъ больше и больше... Только иногда, когда солнце грѣло сильно, я оживалъ, точно ящерица, и отдыхалъ на верандѣ... Иногда Бакари овладѣвало желаніе порядка, и онъ принимался чистить все, что только попало ему подъ руку. Въ одну изъ подобныхъ минутъ онъ преспокойно вычистилъ моей головной щеткой сапоги, въ другой разъ усердно оттирая коготь, разломалъ на куски тонкія выпаривательныя фарфоровыя чашки... Но сердиться за это было немислимо,—Бакари съ такимъ недоумѣвающимъ видомъ вошелъ ко мнѣ и молча показалъ на фарфоровые обломки, что я невольно расхохотался... Наконецъ, и Бакари стало видимо тоскливо около меня и онъ началъ куда-то пропадать... Мнѣ рассказали потомъ, что онъ уходилъ въ негрскую деревушку и тамъ все время проводилъ въ азартной игрѣ въ кости; негры—страшные игроки, и Бакари за время моей болѣзни проигралъ теплое одѣяло, которое я ему купилъ, свои бѣлые башмаки и большую часть денегъ, выданныхъ ему на продовольствіе... Несмотря на болѣзнь, я все же крѣпился, работалъ, когда позволяли мнѣ мои силы, собирая матеріалы по интересовавшимъ меня паразитическимъ простѣйшимъ, и даже успѣлъ за это время нѣсколько познакомиться съ кофейными плантаціями окрестностей Аmani.

Очень давно туземцы округа Букоба воздѣлывали кофейныя деревья, ввезенныя туда, повидимому, изъ Абиссиніи. Въ первые годы

развитія колоніи культурой кофе занимались—многіе европейцы, но затѣмъ, въ виду паденія цѣнъ, эти плантаціи значительно сократились. Въ настоящее время въ Нѣм. Вост. Африкѣ около $3\frac{1}{2}$ мил. кофейныхъ деревьевъ, занимающихъ около 1615 гектаровъ земли; изъ нихъ $2\frac{1}{2}$ мил. уже приносятъ плоды. Плантаціи кофе имѣются теперь главнымъ образомъ въ Узамбарѣ и у подножія Килиманджаро. Небольшія съ темно-зеленой, блестящей листвою кофейныя деревья раскидываются на громадныя пространства правильными рядами по склонамъ горъ и холмовъ. Между ними, для защиты отъ яркаго солнца и вѣтра, тянутся опять-таки рядами посадки защитныхъ, быстро растущихъ деревьевъ, всего чаще какихъ-нибудь Leguminoze съ ихъ нѣжными сложными листьями.

Я видѣлъ илиберійскія кофейныя деревья съ ихъ крупной листвою и бѣлыми цвѣтами, и арабскія—въ періодъ плодоношенія. Ихъ плоды, сначала зеленые, потомъ краснѣющіе напомнили мнѣ наши вишни; внутри находятся два зерна... Послѣ сбора плодовъ ихъ очищаютъ отъ мякоти и оставляютъ на нѣкоторое время въ водѣ; при этомъ начинается въ зернахъ слабое броженіе и исчезаетъ особая, покрывающая ихъ слизистая оболочка. Когда процессъ законченъ, зерна тщательно промываютъ, высушиваютъ, еще разъ очищаютъ—и кофе готовъ въ продажу. Въ удачныя годы каждое дерево даетъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 и болѣе фунтовъ готовыхъ зеренъ... Экспортъ изъ колоніи довольно великъ, и вѣроятно, не разъ случается намъ пить „настоящее мокко“, вовсе не подозревая, что это не что иное какъ „Bukobakaffee“...

Наконецъ, работы мои, хотя и съ большимъ напряженіемъ силъ, закончены и надо собираться въ путь... Съ грустью въ послѣдній разъ побывалъ я въ тропическомъ лѣсу, поднялся на вершину Бомоле, гдѣ вѣтеръ шумитъ иглами Juniperus просега и откуда видно, какъ на ладони, все Аmani, прошелъ по тропинкѣ у берега ручья, въ тѣни гигантскихъ бамбуковъ и долго сидѣлъ на верандѣ, глядя на ущелье, которое постепенно тонуло во мракъ и завалакивалось дымкой тумана...

Было еще темно, когда въ 5 часовъ утра мой караванъ съ пѣніемъ и крикомъ началъ спускаться въ долину Сиги. Еле-еле прорисовывались вдали силуэты лѣса... Мы спускались все ниже и ниже. И вдругъ—на одномъ поворотѣ тропинки чаща разступилась и я увидѣлъ чарующее зрѣлище... Темный Магротто вырисовывался на фонѣ

алѣвшаго неба; гдѣ-то далеко за нимъ изъ-за моря сейчасъ должно было подняться солнце... Туманъ свивался клубами и исчезалъ. Нѣсколько легкихъ бѣлыхъ облачковъ облегли въ одномъ мѣстѣ гору... Лѣсъ просыпался. Растительность казалась еще болѣе могучей и прекрасной, чѣмъ обыкновенно... Природа была въ этотъ ранній

часъ не только роскошной, но и титанической... Меня охватило настроеніе, подобное тому, что переживаешь моментами при исполненіи вагнеровскихъ произведеній... Однако караванъ спѣшилъ впередъ, можно было задержаться лишь на мгновенье, и снова сводъ густой листвы закрылъ отъ моихъ глазъ и горы, и небо...

Къ вопросу о наслѣдованіи приобрѣтенныхъ признаковъ.

Прив.-доц. П. Каммереръ (Вѣна).

Приспособляемость и наслѣдственность—основныя понятія, входящія какъ въ ученіе Ламарка, такъ и въ ученіе Дарвина. Ими пытались ранѣе объяснить всю эволюцію, но, на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе неточности опредѣленія самихъ понятій, объясненіе это не имѣло большой цѣны и, неизбежнымъ образомъ, оказалось вскорѣ дискредитированнымъ. Особенно подорвала къ нему довѣріе острая критика одного изъ гениальнѣйшихъ изслѣдователей нашего времени, проф. А. Вейсмана. Нѣкоторое время идея о взаимоотношеніи приспособляемости и наслѣдственности—иначе говоря, идея о наслѣдованіи признаковъ, приобрѣтенныхъ путемъ приспособленія, обрѣла усиленіе этихъ признаковъ путемъ накопленія и о зависимости отъ этого процесса эволюціи живыхъ существъ—совершенно не имѣла сторонниковъ. Потребовался длинный рядъ продолжительныхъ опытовъ для того, чтобы возстановить эту идею, оживить ее и вложить въ нее новое жизнеспособное содержаніе.

Не такъ давно примѣровъ наслѣдованія приобрѣтенныхъ признаковъ было еще очень немного, теперь же количество изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, возросло настолько, что нѣтъ никакой возможности въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя мнѣ предоставлены, изложить всѣ экспериментальныя данныя и всѣ общіе выводы по этому вопросу. Я постараюсь все же съ возможно большею полнотою оцѣнить всѣ главнѣйшія, относящіяся сюда наблюденія, за исключеніемъ лишь данныхъ, касающихся наслѣдованія тѣлесныхъ поврежденій и приобрѣтенныхъ болѣзней, ровно какъ и данныхъ о наслѣдованіи защитныхъ веществъ противъ бактеріальныхъ и иныхъ ядовъ. Точно такъ же лишь вкратцѣ будетъ мною за-

тронуть вопросъ о наслѣдованіи приобрѣтенныхъ свойствъ при безполномъ размноженіи.

Все же, одинъ изъ примѣровъ, относящихся къ этому послѣднему случаю, слѣдуетъ рассмотреть нѣсколько подробнѣе; его даже необходимо предпослать изложенію вопроса о наслѣдованіи приобрѣтенныхъ признаковъ путемъ полового размноженія. Этотъ примѣръ касается передачи по наслѣдству свойствъ приобрѣтенныхъ одноклѣточнымъ живымъ существомъ, размножающимся путемъ дѣленія,—именно, онъ касается явленій наслѣдственности инфузорій-туфельки. Дженнингсъ при изслѣдованіи густо населенной культуры инфузорій-туфельекъ, которая страдала отъ недостатка пищи, нашелъ уродливыя экземпляры инфузоріи съ тѣломъ, изогнутымъ подъ прямымъ угломъ (рис. 1); одинъ изъ нихъ онъ перенесъ изъ неблагопріятныхъ условій питанія въ благопріятныя, и прослѣдилъ затѣмъ его потомство на протяжении 22 поколѣній. Среди этого потомства, получавшагося путемъ дѣленія, часть особей постоянно появлялась нормальной, тогда какъ другія „наслѣдовали“ отростокъ въ видѣ рога. По своей формѣ и величинѣ этотъ отростокъ обнаруживалъ значительную измѣнчивость, точно такъ же и положеніе его было непостояннымъ,—иногда онъ находился ближе къ заднему концу, иногда на серединѣ тѣла, такъ что надо было признать, что въ однихъ случаяхъ дочерняя особь получала его изъ передняго отдѣла, въ другихъ—изъ задней половины тѣла материнской инфузоріи. Начиная съ 19-го поколѣнія, рогообразный придатокъ оставался, однако, на переднемъ концѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ замѣчательное примѣненіе (рис. 2): инфузоріи пользовались его концомъ какъ